

В.А. Черкасов

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

КРИТИКА БЕЛИНСКОГО В ОСВЕЩЕНИИ ХОДАСЕВИЧА (ОЧЕРК «ГРАФИНЯ Е.П. РОСТОПЧИНА: ЕЕ ЖИЗНЬ И ЛИРИКА»)

В данной статье рассматривается рецепция творческого наследия В.Г. Белинского, которая представлена в очерке В.Ф. Ходасевича «Графиня Е.П. Ростопчина: Ее жизнь и лирика» (1908). Статьи Белинского о Ростопчиной, написанные с установкой на рассмотрение общественной значимости ее поэзии, по Ходасевичу, весьма характерны для всей его творческой деятельности. Выступая с символистских позиций и при этом прибегая к биографическому подходу, Ходасевич развенчивал оценки Белинского как утилитарные и как некорректные в отношении «истинной» поэзии Ростопчиной, в которой наблюдается «преображение» «быта» в «бытие». По Ходасевичу, фигура Ростопчиной примыкает к пушкинской «плеяде» поэтов, а посвященные ей статьи Белинского открывают собой путь враждебной этой «плеяде» утилитарной критике 1860-х гг.

В.Ф. Ходасевич, Е.П. Ростопчина, В.Г. Белинский, биографический метод, символизм.

Рецепция литературно-критического наследия В.Г. Белинского претерпела в XX в. значительную эволюцию, обусловленную прежде всего историческими причинами, – распадом царской России, повлекшим за собой образование многочисленных эмигрантских диаспор. Возникшая в результате политической катастрофы литература русского зарубежья очень рано приобрела собственные, оригинальные черты, отличающие ее от советской литературы, в частности плюрализм эстетических взглядов на природу художественных произведений, на соотношение жизни и творчества писателя и т. д. Самое же главное, именно в литературе русского зарубежья нашли свое прочное основание традиции идеалистического по своей природе модернистского искусства, которые фактически были сведены на нет в литературе метрополии. Плюрализм сказался и в оценке эмигрантами наследия Белинского: от полного неприятия, вызванного внелитературными, идеологическими, а то и политическими соображениями (Ю.И. Айхенвальд [1], В.Н. Ильин [4]), до признания актуальности выводов и наблюдений критика в осмыслении современного литературного процесса, а также литературных фактов прошлых периодов развития русской литературы (З.Н. Гиппиус [3], В.В. Набоков [5, с. 110] и др.). В этой связи особенно следует отметить сложное и только на первый взгляд неоднозначное отношение к творчеству Белинского В.Ф. Ходасевича, на наш взгляд, одного из лучших критиков не только в литературе русского зарубежья, но и в русской литературе в целом. В нашем исследовании мы намереваемся реконструировать взгляды Ходасевича на творческое наследие знаменитого предшественника, в связи с их принципиальной значимостью как для понимания его собственной литературно-эстетической доктрины, так и для осмысления эволюции русской литературы начала XX в. в плане генезиса широко представленных в ней модернистских символистических тенденций.

Знаменательно, что с подходом Белинского в оценке литературных произведений Ходасевич полемизировал уже в самом начале своей литературно-критической деятельности, а именно в первой работе историко-биографического характера «Графиня Е.П. Ростопчина: Ее жизнь и лирика» (1908), посвященной поэтессе пушкинской эпохи [7, т. 2, с. 17–38]. Уже здесь обнаруживается сложившийся взгляд Ходасевича на характер литературно-критического дискурса Белинского, на его достоинства и недостатки. Следует заметить, что в 1934 г. Ходасевич опубликовал второй, газетный, вариант очерка, в концептуальном плане аналогичный первому, книжно-журнальному [6].

В данном очерке Ходасевич полемизировал с пространственной в его время оценкой поэзии Ростопчиной как салонной, бальной. Впервые подобное мнение было высказано Белинским в рецензии на первый сборник поэтессы, опубликованный в 1841 г., и развито им в следующей краткой, но емкой характеристике, датированной 1843 г.: *То, что в стихотворениях графини Ростопчиной может иным показаться мыслию, есть не что иное, как отвлеченные понятия, одетые в более или менее удачный стих. Это особенно заметно в ее последних стихотворениях (начиная с 1837 года по сие время), в которых нельзя узнать прежнего стиха даровитой стихотворицы и в которых все мысли и чувства кружатся, словно под музыку Штрауса, и скачут, словно под музыку модного галоп, или около я автора, или в заколдованном кругу светской жизни, не выходя в сферу общечеловеческих интересов, которые только одни могут быть живым источником истинной поэзии* [2, т. 7, с. 656]. Что подразумевал Белинский под общечеловеческими интересами, видно из сочувственного цитирования в рецензии 1841 г. тех стихотворений Ростопчиной, не лишенных «либеральной» окраски, в которых развивается романтическая тема трагической судьбы поэта с его свобододобивыми идеалами и устремлениями, а также его творчества в равнодушном обществе («Осен-

ние листья», «Последний цветок») или выраженная в дидактической форме тема «высокого назначения» [2, т. 5, с. 460] женщины-супруги и матери по контрасту с отверженной судьбой монахини («Равнодушной»).

В книжно-журнальном варианте очерка Ходасевич перенес центр тяжести своей полемики на последователей Белинского, которые, по его словам, не учли многих, чисто внешних обстоятельств, не позволивших тому дать более объективную оценку поэзии Ростопчиной, а именно: Белинский основывался в своем суждении только на первой книге стихов Ростопчиной; как современник он не мог воспользоваться биографическим подходом, единственно адекватным в случае с Ростопчиной. Однако в газетном варианте очерка Ходасевич напрямую полемизирует именно с Белинским, опуская указанные «оправдательные» аргументы. *Это отчасти верно, – пишет Ходасевич по поводу обсуждаемой оценки Белинского, – Не следует забывать, однако, что бал и салон подсказывали Ростопчиной внешние сюжеты ее стихов, а не их внутреннюю тему. Поэт жил в Ростопчиной, питаясь ее салонными, женскими, даже, если угодно, дамскими наблюдениями и переживаниями. Но он их перерабатывал в нечто гораздо более значительное и человеческое. Если бы не было женщины, не было бы и поэта. Это плохо? Не знаю, может быть... Но этому мы обязаны несколькими превосходными и своеобразными стихотворениями* [6, с. 3]. В книжно-журнальном варианте Ходасевич употребляет для определения поэзии Ростопчиной термин «преображение», предполагающий символистический принцип «двупланности» и являющийся ключевым, в его понимании, при идентификации «истинной» поэзии: *Бал, будучи для нее легкой, наименее реальной формой действительности, в то же время доставлял ей переживания наиболее действительные, ибо наиболее волнующие. Чтя в себе два существа, женщину и поэта, она в известном смысле отдавала предпочтение именно женщине: ведь поэт жил в ней, питаясь ее женскими чувствами, мечтаемый рай бытия вырастал из корней быта. Женщина была несчастна в личной судьбе: поэт создавал из этого трагедию любви. Дама боялась светского осуждения: жалкое чувство. Но поэт умел преобразить* (выделено мной – В. Ч.) *его в чувство тайны. Так непрерывно растила она свое большое и главное из своего малого и случайного. Это малое предreshалось жизнью салона и бала...* [7, т. 2, с. 27]. По Ходасевичу, именно этот принцип «преобразования», предполагающий символистическую, «вертикальную», систему отсчета, оказывался вне поля зрения Белинского-критика, понимавшего под «общечеловеческими интересами» ценности нравственно-этического и социального порядка и, соответственно этому своему взгляду, оценившего тему «бала» в принципиально иной «горизонтальной» или «земной» плоскости.

В рассматриваемом очерке Ходасевич не ограничивается прямой полемикой с Белинским, но, посредством введения кода пушкинских стихотворений «Поэт» (1827) и «Поэт и толпа» (1828), сконтаминированного с кодом «донкихотовским», символизирует могущий показаться случайным некорректный отзыв рецензента по поводу публикации новой книжки стихов,

тем самым обнажая архетипичность и глубокую характерность именно данного отзыва по поводу именно данных стихов.

В изображении Ходасевича жизнетворческое поведение Ростопчиной после рокового для нее 1846 г. вписывается в романтическую парадигму противостояния поэта и общества на почве неразрешимого противоречия мировоззрений. В этой связи ходасевичская оценка поведения поэтессы в обществе как *наивного*, соответствующего *святой простоте* [7, т. 2, с. 38] ее поэзии, а не изменившимся настроениям в обществе, оказывается признаком «истинного» поэта, «истинного» поэтического мировосприятия, по убеждению Ходасевича, высказанному в программной статье «Глуповатость поэзии» (1927), *чуждого здравому смыслу* [8, т. 2, с. 388], чуждого каким-либо общественным потребностям и запросам. Сравнить: *Слишком погруженная в свои «женские» и поэтические дела, слишком часто их смешивая, она не замечала того движения, которое совершалось в русском обществе. Она была наивно уверена, что дело обстоит так: после двухлетнего отсутствия и путешествия она, тридцатилетняя красавица и всеми признанная «московская Сафо», возвращается на родину. Но она упускала из виду момент своего возвращения: ведь это был 1847 год. В ее отсутствие на многое стали смотреть по-новому. Столь же поверхностен был ее взгляд на отношения с критикой. Она полагала, что критики просто «забыли» ее, графиню Ростопчину. В действительности в самой литературе русской началось торжество новых течений. <...> Тогда она попыталась прибегнуть к наивному средству: в надежде, что все как-нибудь уладится, и не сознавая, что это невозможно, она стала вести себя в литературе как в светском салоне* [7, т. 2, с. 38]. По Ходасевичу, когда его героиня окончательно осознает невозможность избежать конфликта с обществом, она не только не отказывается от своих идеалов, внушенных ей ее Музой, но пытается их защитить, будучи заранее обреченной на поражение. Этот рыцарский жест Ростопчиной Ходасевич травестирует в «донкихотовском» коде, придав ей в качестве своеобразного Санчо Пансы М.П. Погодина и сравнив погодинский кружок с *импровизированной крепостью*, а саму героиню представив плохо разбирающейся в своих противниках, чуть ли не увидевшей корень всех зол в писательском сословии, этих, так сказать, «ветряных мельницах», работающих по принципу «откуда ветер дует». Сравнить: *Но уже вскоре тактику эту пришлось оставить и забаррикадироваться в погодинском кружке. При помощи того же Погодина ей даже удастся собрать довольно пышный салон, стоящий в стороне от современных ему течений. Отсюда, из этой импровизированной крепости, собирается она делать вылазки, защищать идеалы своей молодости «от германистов, реалистов, грязистов и всей пресмыкающейся пишущей братии», как выражается она в одном письме* [7, т. 2, с. 34]. По Ходасевичу, эта и подобные ей тактики бытового поведения поэтессы, слишком напоминающие *малодушную погруженность* пушкинского «поэта» в *заботах суетного света*, не могут, да и не должны никоим образом ее красить. Однако, по Ходасевичу, Ростопчина оста-

лась верной себе в главном – в неизменности своего поэтического мировоззрения, роднящего ее с поэтами «Пушкинской Плеяды», вопреки давлению изменившихся общественных целей и интересов. Перефразируя Пушкина, поэтесса не склонила *гордой головы к ногам народного кумира*. Поэтесса Ходасевич полностью соглашается, с некоторыми оговорками, не меняющими сути дела, с автохарактеристикой Ростопчиной в письме к Погодину, которая дает ей право ставить свое имя в одном ряду с именами таких «истинных» поэтов, как А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, Е.А. Баратынский. Сравнить: *...память несколько изменяет ей, когда она касается дружеских отношений с Пушкиным, с которым она была мало знакома, и с Карамзиным, который умер, когда ей было всего 15 лет, но совершенно намечается ее положение среди борющихся между собою партий: «Я жила в короткости Пушкина, Крылова, Жуковского, Тургенева, Баратынского, Карамзина. Вот почему презираю я всю теперешнюю литературную сволочь, исключая только некоторых, подобных вам и мне, вольнопрактикующих, не принадлежащих ни к сим, ни к оным»* [7, т. 2, с. 36]. Кроме того, в качестве венца поэзии Ростопчиной в целом Ходасевич цитирует следующее четверостишие из ее стихотворения «Моим критикам» (1856), которое примыкает к традиции «Последнего поэта» Баратынского:

*Сонм братьев и друзей моих далеко.
Он опочил, окончив жизнь свою.
Не мудрено, что жрицей одинокой
У алтаря пустого я стою* [7, т. 2, с. 37].

Таким образом, отталкиваясь от романтической парадигмы конфликта поэта с обществом, признаки которой в поэзии Ростопчиной с сочувствием заметил и Белинский, Ходасевич пришел к принципиально другому выводу относительно характера идеала, стимулировавшего данный конфликт. По Ходасевичу, Ростопчина сознательно культивировала пушкинские «антисоциальные» идеалы жизни и творчества поэта, предполагающие его конечную свободу и связанное с нею одиночество, а если и питала подчас мечты о более свободном обществе, как это *проницательно* [7, т. 2, с. 296] заметил Белинский, то в конце концов рассталась с ними как с иллюзией. Суждения Белинского по поводу поэзии Ростопчиной, открывающие, по Ходасевичу, дорогу всей последующей утилитарной рус-

ской критике, оказываются вариацией идеологизированных требований пушкинской «черни» к поэту.

К наследию Белинского Ходасевич обращался неоднократно на протяжении всей своей творческой деятельности. В его критике можно найти разнообразные точки притяжения и отталкивания от этого наследия, что может составить предмет особого исследования, однако в целом его взгляд на методологический характер критики Белинского, рассмотренный нами на материале очерка о Ростопчиной, остался неизменным. По Ходасевичу, Белинский может быть «проницателен» в меру своего «человеческого, слишком человеческого» кругозора, прежде всего в вопросах *социальности* («Памяти Гоголя» (1934) [7, т. 2, с. 296]), однако, в силу своей сугубой погруженности в общественность, он фатально не способен «провидеть» за миром феноменов (*realia*) мир ноуменальный (*realioga*) («Петербургские повести Пушкина» (1915) [7, т. 2, с. 62]), не способен заметить то «преображение» быта в бытие, которое является решающим для оценки творчества «истинных» поэтов, и в том числе – Е.П. Ростопчиной.

Литература

1. Айхенвальд, Ю. И. Белинский. – Текст : электронный / Ю. И. Айхенвальд. – URL: http://dugward.ru/library/belinsky/aihenv_belinskiy.html (дата обращения: 27.11.2019).
2. Белинский, В. Г. Полное собрание сочинений : в 13 томах. – Текст : электронный / В. Г. Белинский. – URL: <http://www.vgbelinsky.ru/texts/13/> (дата обращения: 27.11.2019).
3. Гиппиус, З. Н. Гоголь и Белинский. В «Зеленой лампе» / З. Н. Гиппиус // Возрождение. – 1929. – № 1416. – 18 апреля.
4. Ильин, В. Н. Литературоведение и критика до и после революции В. Н. Ильин // Русская литература в эмиграции. Сборник статей / под редакцией Н. П. Полторацкого. – Питтсбург, 1972. – С. 243–254.
5. Набоков, В. В. Лекции по русской литературе / В. В. Набоков. – Москва : Независимая газета, 1999. – 440 с.
6. Ходасевич, В. Ф. Ростопчина (К 75-летию со дня смерти) / В. Ф. Ходасевич // Возрождение. – 1934. – № 3138. – 4 января.
7. Ходасевич, В. Ф. Собрание сочинений : в 4 томах / В. Ф. Ходасевич ; составитель, подготовка текста И. П. Андреевой, С. Г. Бочарова [и др.] ; комментарий И. П. Андреевой, С. Г. Бочарова, Н. А. Богомолова [и др.]. – Москва : Согласие, 1996–1997. – Т. 4.
8. Ходасевич, В. Ф. Собрание сочинений : в 8 томах / В. Ф. Ходасевич ; составитель, подготовка текста, комментарии Дж. Малмстада, Р. Хьюза ; вступительная статья Р. Хьюза. – Москва : Русский путь, 2010.

V.A. Cherkasov

CRITICISM OF VISSARION BELINSKY IN INTERPRETATION OF VLADISLAV KHODASEVICH (ESSAY «COUNTESS E.P. ROSTOPCHINA: HER LIFE AND LYRICS»)

The article discusses the reception of the creative heritage of V.G. Belinsky, which is presented in the essay of V.F. Khodasevich «Countess E.P. Rostopchina: Her Life and Lyrics» (1908). According to V. Khodasevich, V. Belinsky's articles about E. Rostopchina, written to consider the social significance of her poetry, are very characteristic of all his creative activity. Speaking from symbolic positions and resorting to the biographical method, V. Khodasevich debunked Belinsky's assessments as utilitarian and incorrect in regard to «true» poetry by E. Rostopchina, in which the «transformation» of «life» into «being» is observed. According to V. Khodasevich, the figure of E. Rostopchina is included into Pushkin's pleiad of poets, and Belinsky's articles devoted to her lead to utilitarian criticism of the 1860s that is hostile to the pleiad.

Vladislav F. Khodasevich, Evdokiya P. Rostopchina, Vissarion G. Belinsky, biographical method, symbolism.